

а паўстанні падаўляліся вельмі жорстка. Людзмі бальшавіцкага гарту ў аповесці прадстаўлены Гаршчок, былы селянін, пасля паслушнік манастыра, люмпен, рабочы, потым адзін з кіраўнікоў новай улады, а таксама рабочы Васіль. Іван Гаршчок, або Карпавіч, – недалёкі чалавек, ахоплены прагай помсты; лозунгі бальшавікоў часткова супадалі з яго памкненнямі, аднак апавядальнік заўважыў пра яго: “Нікоменьку не прызнаюся, сам сабе думаў іногды Карпавіч, – але чую, што ў абы-якой партыі мог бы знаходзіцца з поўнай шчырасцю” [2, с. 45]. Стаўленне да класавых ворагаў у Гаршчка катэгарычнае: “Сячы трэба да карэння” [2, с. 13]. Карпавіч тонка адчуваў настрой людзей, таму, агітуючы за бальшавіцкі спіс, гаварыў пра падзел панскага дабра, пра канец імперыялістычнай вайны, і яго патрымлівалі. На адказнай пасадзе Гаршчок найперш задавальняў сваё самалюбства. Малады рабочы Васіль вырас у беларускай вёсцы, ён захапіўся бальшавіцкімі ідэямі, ідэалізаваў Карпавіча, марыў пра рэвалюцыю як кардынальнае змяненне жыцця да лепшага, але паслярэвалюцыйная рэчаіснасць яго расчаравала: “Няма прычыны быць вясёлым, калі ўсюдых фальш” [2, с. 107].

Аповесць “Дзве душы” стала творам, у якім Гарэцкі перадаў атмасферу ў грамадска-палітычнай, бытавой, духоўнай сферах 1917–1918 гадоў на Беларусі, дарэчна выкарыстаў уласныя назіранні, абагульненні і прагнозы адносна перспектывы далейшага развіцця роднага краю. Аповесці ўласціва гранічная аб’ектыўнасць аўтара ў мастацкім даследаванні грамадскіх з’яў і псіхалогіі прадстаўнікоў розных сацыяльных пластоў.

1. Лукач, Г. Исторический роман и историческая драма / Г. Лукач // Литературный критик. – 1937. – № 12. – С. 118–147.
2. Гарэцкі, М. Дзве душы: аповесць / М. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 110 с.

Кузнецова Т.И.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: ТИТУЛАТУРА КАРЛИСА УЛМАНИСА В ТЕКСТАХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ (30-Е ГГ. XX В.)

Для любого молодого государства, и в частности, Латвийской Республики, провозглашение создания которой состоялось 18 ноября 1918 года, принципиальное значение имеет выбор способов консолидации общества. Одним из возможных средств идеологической консолидации Латвии, ставшим особенно значимым после 1934 года, когда был совершён государственный переворот, положивший начало изменению политической системы страны, стала мифологизация¹ ключевой фигуры в истории Латвии XX века – Карлиса Улманиса. Он возглавлял 7 из 19 правительств времени существования парламентской республики (1918–1934), он совершил государственный переворот с 15 на 16 мая 1934 года, распустив парламент (сейм) и политические партии, через два года совместил должность главы правительства с должностью президента страны, и, наконец, имя его стало обозначением времени жизни довоенной Латвии, причём, независимо от оценки этого времени и лица его персонифицирующего (см., например: DU MV/43, DU MV/42 [4]).

С 1934 года начинает создаваться корпус сочинений, мифологизирующих К. Улманиса, т.е. представляющих его творцом времени, народа, государства. Одним из средств мифологизации главы правительства и президента страны явилась его (К. Улманиса) титулатура. Словарное определение «титула» весьма просто: «В феодальном и буржуазном обществе почётное звание, наследственное или пожалованное» [12, с. 786]. Однако к нему «просятся» несколько оттенков смысла. Во-первых, отметим, что титул является актом социализации, средством и знаком установления связи индивида с другими, при этом титул указывает на сращение индивидуального и социально-статусного начал в человеке. Во-вторых, в силу вышесказанного, титул может вмещать личные имена и потому демонстрирует неизменность социального облика индивида и его места в мире. В-третьих, превращение слова, обозначающего человека, в титулы, говорит о

¹ Под мифологизацией будет пониматься придание статуса абсолютного, надвременного, надмирного, надличностного явлением относительным, временным, личностным и, соответственно, неразличение феноменального и сущностного. Одно из проявлений мифологизации – символизация политического лидера.

закрытой человеческой общности, которая скрепляется личными связями, является иерархически организованной и стабильной. И, наконец, в четвёртых, титул – это устойчивая номинация лица, благодаря широкому употреблению в информационном пространстве формирующая у аудитории определённые представления об обществе, государственности, человеке. Именно этот аспект титулования и будет предметом исследования в данной статье.

Значимым структурным компонентом информационного пространства в 30-ые годы XX века были публикуемые и транслируемые по радиосети речи политических лидеров (см., например, [11]), в Латвии – К. Улманиса и других «государственных мужей», цитирующих вождя и «хозяина народа». С 1935 года в Латвии выходили в свет официальные издания, отмечавшие каждую годовщину государственного переворота, или, как вспоминал в эмиграции Жанис Унамс, «мирной и отеческой революции», когда «Карлис Улманис провозгласил себя вождём» [10, с. 15]. Всего было опубликовано пять подобных сборников под названием «Pirmais gads / Первый год» [9] и т.д. тиражом в 2500 экземпляров, каждый из них содержал раздел: «Соответствующий год в зеркале речей государственных мужей».

«Первый год 1934.5.5. – 1935.15.5.» включал в себя 53 публикации речей. Из них 26 принадлежало К. Улманису, 27 – министрам, доля которых в составе рассматриваемого раздела неодинакова: 6 речей принадлежали министру финансов Л. Экису (1934.16.6. – 1938.15.6.; 1892 г. р.); с 1938 года посол в Польше и Венгрии, с 1939 года и в Германии [6, с. 154]; 5 речами отмечен Я. Каулиньш (1889 г. р.) – министр земледелия в 1934–1935 гг. [6, с. 250], а также В. Гулбис (1890 г. р.) – с 1934 по 1939 г. министр внутренних дел, ранее бывший министром земледелия (1931–1934), министром образования (1933–1934) [6, с. 196]. 3 речи принадлежали А. Берзиньшу (1889 г. р.) – заместителю министра внутренних дел в 1934–1937 гг., а с 1 апреля 1937 г. ставшему министром общественных дел [6, с. 68]. При этом, именно А. Берзиньшу принадлежит наибольшее количество упоминаний К. Улманиса – 10, которого он называл «tautas vadonis un vienotājs, ministru prezidents Kārlis Ulmanis» / «вождь народа и объединитель, президент министров Карлис Улманис» [2, с. 215].

«Otrais gads 1935.15.5. – 1936.15.5.» [7] содержит 47 текстов, из которых 20 принадлежат К. Улманису, остальные 9 министрам, при этом только 6 из них в своих выступлениях упоминали К. Улманиса, к тому же весьма редко – 1–2 раза (всего 9 упоминаний).

В состав следующего сборника «Trešais gads 1936.15.5. – 1937.15.5.» входит 30 опубликованных речей, 20 из которых вышли из уст К. Улманиса, 10 же были произнесены министрами. Ядро этой части раздела образуют три текста министра финансов Л. Экиса и столько же устных выступлений министра образования в 1935–1938 гг. А. Тентелиса (1876 г. р.) [6, с. 488]. Из 7 авторов, упоминавших К. Улманиса в своих речах, выделяются именно эти государственные мужи: Л. Эксис 12 раз ссылается на К. Улманиса, А. Тентелис – 7, всего же насчитывается 28 упоминаний.

Четвёртый сборник «Ceturtais gads 1937.15.5. – 1938.15.5.» [4] содержит 54 речи, из которых 27 принадлежат К. Улманису, остальные же – министрам. Среди них выделяются министр финансов Л. Экис с 6 выступлениями, министр общественных дел А. Берзиньш с 7 речами, министр земледелия Я. Бирзниекас – 5 речей. Из общего числа государственных мужей, речи которых увековечены в данном сборнике (10), 7 упоминали в своих выступлениях К. Улманиса (всего таких упоминаний 108), причём 91 раз имя К. Улманиса и различные его номинации встречаются в речах А. Берзиньша.

«Piektais gads 1938.15.5. – 1939.15.5.» [8] характеризуется значительным увеличением количества публикуемых речей, равно как и ростом числа чиновных лиц, ссылающихся в своих устных выступлениях на К. Улманиса, и количеством упоминаний его. В соответствующем разделе опубликовано 85 речей, из них 64 принадлежали министрам, из которых особой активностью и, соответственно, местом в информационном пространстве книги отличались министр образования Ю. Аушкапс – 10 речей (1884 г. р.), с августа 1938 года – министр образования [6, с. 95], министр земледелия Я. Бирзниекас – 8 речей, министр общественных дел А. Берзиньш – 8, военный министр Я. Балодис – 7, министр иностранных дел В. Мунтерс – 6 речей (1898 г. р.), с 1936 г. 14 июля – мин. иностранных дел [6, с. 35]. Всего в опубликованных текстах министров

59 раз упоминается К. Улманис, чаще всего это имеет место в речах А. Берзиньша (20 упоминаний), Я. Бирзниека (14 упоминаний).

Хотя далеко не все из них в равной степени активно упоминали в своих речах К. Улманиса, но, тем не менее, они задавали формат мифологизации К. Улманиса, разрабатывая его титулатуру. Анализ этих текстов позволяет увидеть постепенное превращение властно-должностных обозначений, поддерживающих память о государстве как совокупности политических институтов («Ministru prezidents / президент министров» — → правительство, «Valsts prezidents / Президент государства»), так и социально-функциональных обозначений («Vadonis / вождь» — тот, кто ведёт, является путеводителем) в титулы, содержание которых выражает определённые, внушаемые слушателям и читателям представления об обществе, государстве, человеке.

Трансформация этих обозначений в титулы проявилась, во-первых, в сокращении состава самой номинации, из которой удаляются уточняющие должностную позицию элементы. Так с 1936 года забываются слова «valsts / государство», «ministru / министров» и остаётся только одно — «prezidents / президент», и потому приобретающее значение личного имени. Например, в речи министра финансов Л. Экиса, произнесённой 28 ноября 1936 года на полном собрании Ремесленной камеры, прозвучало: «Куда только мы не посмотрим, мы видим, что наша страна, ведомая нашим Президентом, и жители, им призванные, строят здание новой Латвии, крепкое и прекрасное» [5, с. 204]. При этом, в данной опубликованной речи, как, впрочем, и в других, «Президент» пишется с большой буквы, что придаёт этому значение личного имени. Таким образом, затрудняется формирование представления о том, что эта должность для лица, её занимающего, может быть ограниченной во времени. Государство же в таком случае приобретает характер политического тела, воплощением коего является Президент.

Во-вторых, титулообразованию содействовало так же удаление из номинации лица личного имени, которое замещается оставшимся словом «Президент» или «Вождь». В-третьих, к превращению должностного обозначения в титул вело придание этому обозначению надвременного характера. Так, например, в речи министра общественных дел А. Берзиньша 2 октября 1937 года, выступавшего на собрании учителей в Риге, слушатели услышали, а затем читатели увидели: «В 1902 г. [...] на каком-то собрании крестьян Президент, ещё будучи совсем молодым человеком, закончил своё выступление словами, которым остался верен до сего дня — без единого нищего ничего хорошего не достичь» [1, с. 244].

Второе, функциональное обозначение К. Улманиса «Vadonis / Вождь» в речах министров «возрождённой» после переворота 1934 года Латвии в течение немногих пяти лет так же приобрело характер титула. Номинация «Vadonis / Вождь» употреблялась в двух формах: «mūsu vadonis / наш вождь» и «mūsu tautas vadonis / наш народный вождь (вождь нашего народа)». Выражение «наш вождь» содержит представление об эмоционально-тёплой общности, состоящей из индивидов, каждый из которых, являясь частью «мы», связан с вождём. «Мы» в этом случае оказывается неструктурированной, социально-политически недифференцированной общностью. Тогда как формула «tautas vadonis / вождь народа» указывает на органическое целое (социальное тело), соотносимое с вождём, который наделяется качествами демиурга. Об этом свидетельствуют различные глаголы действия, которыми характеризуется вождь: он посвящает свою жизнь; он думает обо всех; он призывает; он нас объединил; он дал цели и пути; он определяет путь; он учит; он делает понятным; он хочет; он вселяет дух и волю; он создаёт народ; он является образцом должного жизненного поведения, а именно: «жертвовать во благо государства» [1, с. 248].

Такая частотная и вариативно характеризуемая номинация К. Улманиса представляет общество, народ, человека как пассивное, несамостоятельное, интеллектуально и психологически незрелое существо, нуждающееся в том, чтобы получить импульс к движению, быть способным двигаться по указанному пути. Поэтому такой народ, такие «мы» могут и должны относиться к «вождю» с верой, верностью, послушанием, благодарностью и должны стремиться исполнять его волю. Отметим, что подобные поведенческие проявления указывают на обожание вождя.

Таким образом, титулатура К. Улманиса, выкристаллизовавшаяся в 30-ые годы XX века, и особенно, с 1936 года в речах политической верхушки Латвийской Республики, лишала его

конкретно-индивидуальных человеческих черт и превращала в символ, наделяя функциями творца социального мира. Придание же реальному политическому деятелю, обладающему властными полномочиями, статуса надмирного, надвременного явления есть элемент мифологизации, тенденции весьма характерной для идеологии (шире – архаизации политической жизни) рассматриваемого времени. Явленное в номинациях К. Улманиса, приобретавших значение титула, размытое представление о государстве как совокупности политических институтов, игнорирование человека как субъекта мысли и действия в немалой степени отвечало ментальному состоянию значительной части общества Латвии, но, будучи опрокинутым в прошлое, не отвечало условиям и требованиям государственного существования.

1. Bērziņš, A. Lai Vadoņa dzīve un darbs mums vienmēr ir ceļa radītājs / A. Berzins // Ceturtais gads 1937.15.5. – 1938.15.5. – Rīgā : Leta, 1938.
2. Bērziņš, A. Mūsu uzticība un paklausība piederēs vienīgi tautas vadonim, ministru prezidentam K. Ulmanim un mūsu goda šefam, armijas vadītājam ģen. J. Balodim / A. Berzins // Pirmais gads 1934.15.5. – 1935.15.5. – Rīgā : Leta, 1935.
3. Ceturtais gads 1937.15.5. – 1938.15.5. – Rīgā : Leta, 1938.
4. DU MV – Daugavpils Universitātes Mutvārdu Centrs (Коллекция Центра устной истории Даугавпилсского университета).
5. Ēķis, L. Mūsu jaunatne jānovirza pareizā ceļā aroda izvēlē, un jauna paaudze jāinteresē amatniecības uzdevumos un darbos / L. Ēķis // Trešais gads 1936.15.5. – 1937.15.5. – Rīgā : Leta, 1937.
6. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Mich. : Grand Haven, 1955.
7. Otrais gads 1935.15.5. – 1936.15.5. – Rīgā : Leta, 1936.
8. Piektais gads 1938.15.5. – 1939.15.5. – Rīgā : Leta, 1939.
9. Pirmais gads 1934.15.5. – 1935.15.5. – Rīgā : Leta, 1935.
10. Unams, Ž. Laiku atspulgā / Ž. Unams. – Oldenburgā : Loga apgāds, 1953.
11. Кунц, К. Совесть нацистов / К. Кунц. – Москва : Ладомир, 2007.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Советская энциклопедия, 1970.

Приборович А.А.
МАТЕРИАЛЫ ДОВОЕННЫХ ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ
КАК ИСТОЧНИК ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ И ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БССР

Планируемая в 2019 г. в Республике Беларусь третья в современной истории страны перепись населения позволит органам власти и её гражданам получить ценные демографические, социальные и экономические сведения [1]. Полученные во время переписи сведения будут сравниваться со значениями предшествующих мероприятий по статистическому обследованию населения Беларуси. Это связано с тем, что в республике система получения данных о населении основана на работе трёх взаимосвязанных компонентов: переписей, текущего учёта демографических событий и миграции.

Только при сравнении статистических показателей можно найти закономерности развития населения. В этом случае важным является работа отечественных исследователей истории, занимающихся изучением начального периода развития советской Беларуси. Связано это с тем, что 20-е – 30-е гг. XX в. для советской Беларуси были переломные – укрупнения, коллективизации, индустриализации и др. Отсюда особое внимание историков привлечено, на поиск материалов по истории советского общества. Несмотря на рост количества работ по довоенной истории советской Беларуси многие вопросы остаются малоизученными. Слабо исследованы внутренние процессы социальной и экономической жизни населения БССР с 1919 г. по 1939 г. Помощь в изучении этих процессов могут оказать исследователям материалы государственной статистики БССР.

Материалы государственной статистики БССР – преимущественно статистические материалы центральных органов статистики, созданные в период формирования и развития советской Беларуси с 1919 г. по 1939 г. В эти годы центральные органы статистики провели учёт практически всех отраслей народного хозяйства и населения. Результаты такой работы сохранились в формах статистического учёта, статистических и научно-методических изданиях, делопроиз-